

На заметку стихотворцу

Памятные литературные даты декабря

5 декабря – 190 лет со дня рождения **Афанасия Афанасьевича Фета** (Шеншина, 1820 – 1892), великого русского поэта-лирика, друга Л.Толстого и Ф.Тютчева, автора проникновенных стихов о природе, любви, творчестве, многие из которых стали романсами, песнями: «На заре ты её не буди», «Сияла ночь. Луной был полон сад...», «Шёпот, робкое дыханье», «Я пришёл к тебе с приветом». Писал он поэмы: «Талисман», «Сабина», «Сон», «Студент»; баллады: «Змей», «Лихорадка», «Тайна», «Геро и Леандр» – и эпиграммы.

17 декабря – 85 лет со дня рождения **Константина Яковлевича Ваншенкина** (1925), замечательного советского поэта-фронтовика, автора более 20 сборников: «Песня о часовых», «Волны», «Лирика», «Избранное», «Повороты света», «Ветка», «Прикосновение», «Далёкий свет» и многих других. Наиболее яркие стихи его стали песнями: «Солдаты», «Женька», «Вы служите, мы вас пождем», «Я люблю тебя, жизнь», «Я спешу, извините меня...» Пишет он и прозу: «Армейская юность», «Авдюшин и Егорычев», «Большие пожары»... Его перу принадлежит книга о поэзии и поэтическом вкусе «Непонятливая Лица».

**Закружил, завьюжил, заметлил
Самый первый, самый чистый снег.
И на сердце как-то посветлело,
И душой добреет человек.**

С.ИОНОВ

Рассказы наших читателей

«Лёгкая» работа

...На последней скорости подъёмный кран, с грохотом перескочив тупик, вдребезги разрушил стену здания цеха, выскочил наружу. Сердце сжалось от страха. Собравшись в комок, я затаилась, пытаюсь осознать случившееся... Когда поняла, что это сон, постепенно успокоилась. Нахлынули воспоминания.

В начале шестидесятых годов под наблюдением опытной крановщицы, дрожа от страха, я стала работать на кране. Через некоторое время мне доверили самый сложный участок, где стояли, наверное, самые огромные на заводе прессы «Гамилтон». На этих прессах штамповали заготовки для мостов грузовых и легковых автомобилей.

Прошло несколько месяцев, и у меня появились уверенность и даже гордость за то, что работаю на большом - пятидесятитонном кране. Особенно любила первую смену. Утром через стеклянные окна цеха лучи солнца резко рассекали туманные пары воздуха. На короткое время светлый луч проникал в кабину крана, словно для приветствия. Подставив под луч свое зеркальце, я свободно управляла лучом, направляя его на рабочих и наладчиков. Кто-то смеялся, кто-то сердился, а некоторые жаловались моему начальнику. Игру в «зайчики» пришлось прекратить.

Мне сверху было видно всё. Не теряя ни минуты в начале смены, рабочие начинали трудиться. И всё же кое-кто из молодых людей в укромных уголках успевал целоваться. Иногда солидные рабочие, оглядевшись по сторонам, насмехались у своих ящиков.

Завод был вторым домом, а бригада – большой семьей. Все наши радости и горести мы живо обсуждали, переживая или радуясь друг за друга.

Однажды, работая на кране, я заметила, что мой стропальщик стоит с коренастым парнемком в тельняшке, новой рабочей спецовке и показывает на меня пальцем. Обидевшись, в обеденный перерыв я спросила у него: «И как это понимать?» Пожилой рабочий хитро улыбнулся и ответил, что, желая поднять настроение молодому стажёру, в шутку, показав на меня, сказал: «Смотри, вон твоя будущая жена едет!» Шутка оказалась пророческой. Став мужем и женой, мы часто вспоминали этот случай.

Однажды, будучи в «интересном положении», я пришла к врачу, попросила справку на лёгкую работу. Неожиданно для меня врач авторитетно заявила, что на заводе работа на кране... самая лёгкая. Отстаивать свои права я ещё не умела и стала жаловаться на головокружение. Попыталась объяснить, что работа на пятидесятитонном кране требует особого внимания и большого напряжения.

Справку на лёгкую работу мне тогда всё-таки дали. Позднее такое разрешение получали женщины в самом начале беременности. А потом работу на кране признали вредной для здоровья и пенсионный возраст назначили с пятидесяти лет.

На заслуженном отдыхе пребываю уже не один год, а по ночам всё снится моя «лёгкая» работа. Напряжение и ответственность, накопленные годами, не ослабевают, и я всё вожу и вожу по воздуху многотонные грузы. К счастью, лишь во сне...

Светлана РОЖНЕВА, Н.Новгород

Каштану - спасибо!

**Есть одно замечательное дерево,
про которое уже писали неоднократно
и ещё неоднократно напишут.
Я даже сочинил ему оду:**

Хочу воспеть я дерево каштан –
Его листья манящую прохладу,
Свечей весенних цвет,
для наших глаз отраду,
И стройный ствол,
вверх бьющий, как фонтан.

Хочу воспеть его колючий плод
И гладкое коричневое семя,
Которое, когда приходит время,
На землю падает,
чтобы продолжить род.

Семян его целительная сила
От недугов меня освободила
И многим даровала жизни свет.

Каштан дарует нам тепло надежды,
Его не ценят только лишь невежды.
Ему я посвящаю свой сонет.

Что это за зверь такой - конский каштан, и почему я им так восхищаюсь? Это высокое красивое благородное дерево. Его трудно не заметить. В мае нас восхищают удивительные свечки-канделябры его цветков, а осенью блестящие красновато-коричневые семена - интересная детская забава - падают с деревьев. Целебной является кожура этих семян (не зелёный колючий околоплодник, а тонкая коричневая кожура с самих плодов). Это средство используется издревле - ещё римские легионеры, которые в завоевательных походах проходили пешком сотни километров, использовали каш-

тан для лечения проблем с ногами. Не забыт каштан и в наши дни. А в этом году каштанов было как никогда много, и это радует: очень многим людям это средство поможет вернуться к нормальной жизни.

С помощью каштана лично я когда-то избавился от геморроя и повышенного давления. Кроме того, в народной медицине это средство применяется для лечения варикозного расширения вен, простатита, аденомы, а также для нейтрализации последствий инсульта.

Рецепт таков. Плоды (семена) каштана надо разбить молотком и собрать тонкую коричневую кожуру. Взять 50 граммов этой кожуры (если точных весов у вас нет, то это стакан). Залить 0,5 л водки. Настаивать в тёмном месте 2 недели. Процедить. Долить чистой кипячёной водой до первоначального объёма. Принимать два-три раза в день по чайной ложке (смешивая с 1/4 стакана тёплой воды) натощак. Кушать можно не раньше, чем через 30 минут.

Длительность лечения зависит от заболевания. Например, геморрой с помощью этого средства проходит за две недели, гипертонию и варикоз надо лечить месяц. А для сдвига в лечении простатита или аденомы, а также для полного восстановления после инсульта нужно около двух месяцев приёма. Противопоказание - низкое давление и частые кровотечения. Длительность непрерывного приёма каштана не должна превышать трёх месяцев.

Лечитесь, а лучше - не болейте!
**Александр Владимирович Головкин,
352909, Армавир, а/я 900**

Литературную страницу подготовил Борис ЖУКОВ

Стихи писали и до нас

Целый мир – от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать её начало.

Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, — человекно.

Родится дивным музыкантом
На шаткой ветке соловей,

Но всё ж снегирь не будет Кантом
И Соломоном – воробей.

Афанасий Фет

Ты добрая, конечно, а не злая,
И, только не подумавши сперва,
Меня обидеть вовсе не желая,
Ты говоришь обидные слова.

Но остаётся горестная метка, -
Так на тропинке
узенькой, в лесу,

Товарищем оттянутая ветка
Бывает, вдруг
ударит по лицу.

Война просвистала
И, резко видны,
Глядят с пьедестала
Герои войны:

На чёрном железе
Стоят мужики.
Один – на протезе,
Другой – без руки.

Константин Ваншенкин

УЗЫ БРАТСТВА

Мы привыкли поздравлять друг друга. По разным поводам, по большим и малым. Иногда, может быть, поздравления и не вызывают особой необходимости. Но как же не поздравить друга, когда ему исполняется шестьдесят лет. Я давно перешёл этот рубеж, поэтому с особым удовольствием хочу поздравить своего друга, прекрасного поэта, прозаика, человека большого сердца и орлиного взгляда Григола Абашидзе.

Люди сходятся естественно, по взаимному влечению. Меня уже долгие годы привлекает поэзия Григола Абашидзе, широта этой поэзии, какой-то всечеловеческий охват, её огромная гуманистичность. Не случайно стихи Григола Абашидзе переведены такими прекрасными поэтами, как Николай Тихонов, Павел Антокольский, Михаил Луконин, Александр Межиров и другие. Как редактор, я знаю, когда настоящие поэты дают согласие на переводы стихов других поэтов. Только на перевод стихов поэтов, близких по духу, по образной системе.

Мне трудно сейчас отделить молодого Абашидзе от Абашидзе зрелого, того, каким он был и каким я его не знал ещё, от того, каким он стал и каким я хорошо его знаю. Но, когда читаешь его новые стихи, всегда охватывает потрясение, мгновенное и неотразимое. Для того чтобы найти эквивалентные слова, мы часто ищем их и в прозе, и в стихах других поэтов и писателей. Таким я могу назвать короткое стихотворение, открывающее книгу стихов Григола Абашидзе, выпущенную в 1973 году в «Библиотеке "Огонька"», «Золотой виноградник». Мимо этого стихотворения пройти невозможно:

Век мчится. Всё равно
На сто вопросов не даёт ответа...
Но никому сказать не суждено
Того, что надо высказать поэту.
И ты живи, мгновенья торопая,
И, как века, переживай мгновенья...
И то, что здесь не вдохновит тебя,
Лишь это и достойно сожаленья!

Здесь всё – душа, вся программа поэта, программа жизни и программа творчества. Но для того чтобы написать это стихотворение, надо

было пройти и такую жизнь, и этапы такого творчества.

Страницу за страницей я читаю стихотворение «Русскому поэту». Они поют в моём сердце.

Я услышал твой зов издалёка,
Как олений раскатиный крик.
Есть у каждого цель и дорога,
Есть родной соловьиный язык.
Узы братства – древнейшие в мире.
Древней истине будем верны!
Перед ней растворяются шире
С каждым годом сердца и умы.

Это прекрасно – узы братства. Всё действительно так. Действительно близко, так же, как и в строчках стихотворения «На равнинах России»: «Пусть будут чувства и мысли едины... разными будут пусть языки!» Прекрасные слова. В них весь Григол Абашидзе.

И когда я читаю эти стихи, то невольно вспоминаю, как мы вместе с Григолом Абашидзе и Рамазом Бабаджаном представляли советских поэтов на Всемирном конгрессе в столице Филиппин, городе Маниле. Впервые в Маниле на трибуну конгресса выходили мы трое – узбекский, грузинский и русский поэты. И каждый из нас рассказывал о своей литературе и читал стихи на своём родном языке. Нельзя не вспомнить, что на Филиппинах идёт сложная борьба языковых тенденций. На этой красивой, удивительной земле кого только не было! Кто только не оккупировал Филиппины! Когда-то давно здесь были испанцы, и отзвуки испанского языка ещё живут здесь. Были японцы. Они оккупировали в своё время Филиппины. Японский язык не остался, но память об оккупантах осталась. Сейчас – волна английского языка, до сих пор ещё существуют американские базы. И вместе с тем идёт ожесточённая борьба за право говорить на своих родных языках. И когда выступал Григол Абашидзе и рассказывал о грузинской поэзии, об её исторических корнях и нынешнем расцвете, то весь зал, состоящий главным образом из местных филиппинских поэтов, загорелся глазами смотрел

на человека, прилетевшего из далёкой Грузии сюда, в многострадальную Манилу. И ещё было одно выступление в столичном университете, где преподаватели и студенты старших курсов были потрясены тем, что они услышали из уст Григола Абашидзе. Да, собственно, это и естественно, никаких в этом плане открытий для самого Абашидзе не было. Открытие было для тех, кто воочию увидел и услышал человека, представлявшего древнюю грузинскую культуру и литературу, находящуюся сейчас на вдохновляющем подъёме. А если я вспомню ещё вечера в Дели, в столице Индии на четвертой конференции писателей стран Азии и Африки! Всё остается в памяти, как не забываются все эти годы удивительных свершений, удивительной прозы и поэзии.

Однажды мы в журнале «Огонек» напечатали рассказ Григола Абашидзе. Затем наши друзья в Каире перепечатали его в «Лотосе», журнале Ассоциации афро-азиатских писателей. Это – рассказ о старом грузине, виноградаре, о его печали, старости и вечной песне жизни. Уже потом друзья из Египта, арабские писатели, спрашивали меня, что это за человек, который так поэтично пишет об обычных, казалось бы, событиях в жизни своего народа?

Это высокий талант – быть всегда в самой гуще жизни своего народа, не оставляя его ни на час, ни на минуту.

Анатолий СОФРОНОВ
Из книги
«У времени на виду»